

19. United Nations Development Programme. Early Warning Report. Pristina. – 2010. – № 28. – Режим доступа: http://www.kosovo.undp.org/repository/docs/EWR_eng_web-opt.pdf, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
20. Van Willigen, N. J. G. Building Sustainable Institutions? The Results of International Administration in Bosnia and Herzegovina and Kosovo 1995–2008 / N. J. G. Van Willigen. – Leiden : LEI Universiteit, 2009. – 275 p.
21. Youth Initiative for Human Rights (YIHR). State of Constriction?: Governance and Free Expression in Kosovo. Pristina, 2010. – Режим доступа: <http://www.civilrightsdefenders.org/files/State-of-Constriction-YIHR-Kosovo.pdf>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СТРАН ВОСТОКА

Т.А. Корниенко
(Россия, Армавир)

В данной статье автор обращает внимание на взаимосвязь социального капитала и политической модернизации. В качестве примера приводятся политические трансформации в странах незападного процесса, в частности, в государствах Востока (Китай, Япония, Индия, Малайзия, Турция, Иран). Выявлены особенности социально-культурного развития данного региона, психологические основания легитимности государственных институтов. Обращается внимание, что в традиционных обществах созданы условия для эффективного развития социального капитала как ресурса модернизации.

In this article the author pays attention to interrelation of the social capital and political modernization. As an example political transformations are given in the countries of not western process. In particular in The East States (China, Japan, India, Malaysia, Turkey, Iran). The features of socio-cultural development of this region, the psychological bases of legitimacy of the state Institutes are revealed. It is paid attention, that in traditional societies conditions for effective development of the capital as modernization resource are created.

Ключевые слова: политическая модернизация, социальный капитал, политические традиции, инновации, трансформации.

Key words: political modernization, social capital, political traditions, innovations, transformations.

Категория «социальный капитал» входит в научно-категориальный аппарат многих социально-гуманитарных наук. Выявлены качественные и количественные критерии оценки социального капитала, его влияния на уровень экономического развития, социальной стабильности социума. Между тем, влияние социального капитала на политическую модернизацию еще не достаточно полно исследовано.

Под социальным капиталом понимается способность общества к самоорганизации и совместным действиям. Такая необходимость возникает в тех случаях, когда стоящие перед обществом задачи не могут быть решены простой суммой индивидуальных действий индивидов, не координирующих свои действия друг с другом. Социальный капитал опирается на доверие, разделяемые в обществе нормы и ценности, а также на социальные сети различного рода [19, с. 41].

Социальный капитал – одна из главных инноваций, которую можно инвестировать в развитие страны; это сочетание социальных институтов, норм, ценностей, сетей и организаций, которые создают формы взаимодействия внутри общества и являются активом общества, необходимым для создания индивидуального и коллективного богатства [20, с. 11]. Значимость социального капитала связана с тем, что он оказывает влияние на качество образования, здравоохранения, социального обеспечения, профессиональной занятости, на институты муниципального и государственного управления. Исследования западных практик показывают, что социальный капитал является не только фактором эффективности экономической деятельности на уровне отдельных социальных групп и сообществ, но и катализатором общественного прогресса [16, с. 3].

Оказывая серьезное влияние на качество демократического правительства, социальный капитал существенно повышает требования к его ответственности, к возможности сделать политический процесс более прозрачным. Таким образом, чтобы

институты демократической политической системы эффективно функционировали, необходим социальный капитал. Он является предпосылкой для самоорганизации людей в целях решения общественных проблем без участия государства. Кроме того, социальный капитал позволяет добиться должной подотчетности органов власти, и таким образом повысить качество государственного управления [4, с. 35].

Рассмотрим взаимосвязь социального капитала и политической модернизации.

Итак, модернизация выполняет для политической системы важную функцию легитимизации новых институтов. Политическую модернизацию можно определить как формирование, развитие и распространение современных политических институтов, практик, а также современной политической структуры. Модернизация всегда, по самому своему смыслу, это выход из традиционных категорий. Новые институты, создающиеся или трансформирующиеся на принципах демократизма, должны быть общественно признанными.

В.Г. Хорос предлагает рассматривать модернизационный процесс в политической сфере через следующие изменения: формирование на основе ранее существовавших территориальных государств наций-государств, распад или преобразование полиэтнических государств на федеративных началах; трансформация системы управления и государственной власти, основанной на разделении власти на исполнительную, законодательную и судебную, обособлении государственного и местного самоуправления; расширение участия широких народных масс в политике, и на этой основе меняется тип легитимности и механизм легитимации политической власти [22, с. 6–7].

Сущность, способы и темпы модернизации своеобразны. Уникальные, самобытные процессы модернизации характерны для ряда государств, соединяющих традиции и инновации при системных преобразованиях, которые не укладываются в привычные модели трансформации. Наиболее отчетливо эту мысль выразил Ахмед Абдель-Малек: «Всякая национальная социально-экономическая общность, достигшая оптимальной степени социальной зрелости, рассматриваемая как в сложившемся состоянии, так и на протяжении ее исторического развития, обладает своей спецификой. Нет, никогда не было, не может быть неспецифичных, т.е. универсальных, обществ и их нельзя даже представить на существующем уровне наших знаний о человеческом обществе» [1, с. 280].

Отход от европоцентризма, присущего традиционным моделям модернизации, поставил на повестку дня проблемы изучения самобытности неевропейских культур, выяснения соответствия автохтонных ценностных установок и религиозных ориентаций традиционных и модернизирующихся обществ.

Э. Тирикьян обращает внимание на множественность сценариев модернизации, приемлемых для развития различных по структуре и характеру политических и социальных институтов. Анализ страновых вариантов модернизации выявил значительную степень их полиморфизма, неоднозначность взаимоотношений комплексов «традиционного» и «современного», а соответственно восточных и западных культур в широком спектре от гармоничного синтеза, симбиоза, взаимоадаптации до конфликта и отторжения [27, с. 79].

В качестве примера самобытных модернизационных сценариев можно отметить трансформации политических, социально-экономических систем стран Востока и Юго-востока. Анализируя самобытные модернизационные «сценарии» в данном регионе, исследователи, в частности С. Хантингтон, отмечают, что здесь имело место такое явление, как «модернизация без вестернизации», т.е. с развитием технологических, экономических и социальных моделей наряду с сохранением основных черт религиозного, политического и культурного уклада, свойственного «традиционному обществу» [27, с. 73].

Дж. Нэсбит и П. Эбурдин указывают, что политическое, социальное и технологическое развитие в странах Востока существенно отличается от «модернизации» политико-социальных и экономических систем Запада. Они предлагают описывать эти процессы более общим термином «трансформация» [13, с. 65]. В качественном

смысле термин «трансформация» позволяет исследовать как процесс политической модернизации в широком смысле (переход от модели традиционного общества к модели современного общества), так и обратный процесс возврата к традиции (консервативная революция) или смену одной формы традиционного общества на другую (например, религиозную революцию, в которой модернизационные черты не очевидны) [9, с. 33].

Факторами, способствующими изменению модернизационной парадигмы в отношении стран Востока, выступили: накопление фактического материала о своеобразии неевропейских обществ и развитие на его основе исторической науки; деколонизация и становление суверенных государств и формирование национальных исторических школ в странах азиатско-африканского мира.

По мнению Э. Саида, концепции модернизации, сосредотачивающие внимание на европоцентричном универсализме, должны быть заменены многомерным подходом к анализу восточных стран, свободном от предвзятого историзма и редукционизма [17, с. 24].

Спецификой социокультурной матрицы Востока выступал тип общества, гармонично встроены в природу. Развитие восточных цивилизаций до сер. XIX в. происходило в замкнутой этно-культурной среде. На процессы модернизации большое влияние оказывали сложившиеся на протяжении тысячелетий факторы общественного развития, отличные от европейских цивилизаций. Среди них: 1) коллективизм как функциональная и производственная ценность; 2) созерцательный, пассивный характер общества определялся доминированием природных факторов над мотивационными; 3) в политических отношениях преобладание коллективизма и родовой власти; 4) отсутствие института частной собственности как самостоятельного фактора бытия; 5) относительная стабильность культурных архетипов, определяющая инертность культуры; 6) отсутствие механизмов адаптации к переменам, доминирование тактики реконструкции и восстановления; 7) неприятие демократических форм организации политического процесса как центрального элемента государственной системы; 8) особый тип управленческой культуры посредством строго иерархизированной бюрократии; 9) неординарные органы управления, основанные на личных, эмоционально-окрашенных отношениях.

Ни в одном восточном социуме не сформировалась хотя бы относительная гомогенность, не создано гражданское общество. Все страты восточного социума, несмотря на образ жизни и род занятий, сохраняют тесные контакты и связи с племенем, кланом, общиной, конфессией, что не может не рождать идеологической многоукладности и связанного с ней полиформизма политического процесса [12, с. 35].

Легитимность власти на Востоке и сейчас опирается на социокультурные традиции социума. Основной политической культуры у населения помимо обоснования легитимности государства или лидера является особое представление о характере государства. Политической формулой государственности на Востоке остается следующий постулат: господство государства носит латентный характер, обеспечивая привычную меру солидаризма [8].

Для понимания социально-экономических и политических процессов на Востоке большое значение имеет теория социального синтеза, разработанная Н.А. Симоной и Л.И. Рейснером.

Л.И. Рейснер отмечает, что «колониализм объективно содействовал тому, что традиционность и современность оказались сильно разведенными в стороны как на глобальном уровне (центр – периферия), так и на местах, т.е. в самих зависимых странах» [23, с. 186]. В итоге возник своеобразный синтез колониальной системы и традиционной. Современные элементы, таким образом, оказались привнесенными извне и начали постепенно проникать во внутреннюю традиционность. Колониальный синтез предстает как тесное переплетение и взаимодействие внешнеполитической активности капиталистического Запада, выступающего субъектом синтезирования, и традиционного феодально-племенного Востока, ставшего объектом синтезирования [8].

Одним из государств с высоким уровнем социального капитала считается Япония. В отличие от Китая, Япония никогда не была обществом с конфуцианской системой ценностей. Следовательно, обязательства, которые японцы имеют к безличностным государственным органам власти, всегда являются более важными, чем обязательства перед семьей [21]. Именно поэтому модернизация политической системы проходила для японского общества без срывов и откатов.

Во второй половине XIX в. японцы, практически без полного вмешательства извне, но с привлечением необходимых для быстрой модернизации заимствований, наращивали темпы экономического роста, модернизировали принципы и методы промышленного производства, энергично и умело добивались необходимых для этого нововведений в политических институтах, правовых нормах, в сфере гражданских свобод. Причем все это происходило без радикальных изменений в социально-культурной сфере, без разрыва с предшествующими традициями, а на основе гармоничного сочетания принципов, ценностей прошлого и инноваций. В этом отношении Япония оказалась уникальным феноменом Востока [18].

В середине 1940-х гг. в Японии были проведены новые политические реформы. Была разработана конституция, государство разрешило деятельность профсоюзов. В сельском хозяйстве произошли масштабные преобразования: крестьяне-арендаторы были наделены землей, был создан класс мелких фермеров, которые стали опорой Либерально-демократической партии. Не без вмешательства государства к политическому процессу были привлечены широкие слои населения, заинтересованные, прежде всего, в экономическом благосостоянии государства. Именно поэтому была сделана ставка на стимулирование демократии путем формирования других общественных групп влияния, в частности, профсоюзов. И институт монархии, и созданные демократическим путем органы государственной власти и местного самоуправления получили кредит доверия со стороны японского общества.

Китайское экономическое «чудо» XX в. в немалой мере было связано с использованием в экономике социального капитала многопоколенных, разветвленных патриархальных семей [10, с. 146]. Политическая модернизация осуществлялась с использованием авторитарных методов и экономические успехи опережали трансформацию институтов государственной власти. Практические шаги по глубокому реформированию политической системы сдерживались не только инерцией политического механизма и интересами проведения экономической реформы, но и важнейшим элементом легитимизации КПК – соответствием ее политического курса идеологическим нормам и классовым принципам. На XIII съезде КПК был провозглашен курс на постепенное создание условий для демократизации политической системы. Однако демократизация на государственном уровне означала фактически не участие народа в управлении, а процедуру легитимизации власти.

И сегодня Китай идет по пути так называемой политической стабильности: недопущение плюрализма и системы разделения властей с предпочтением разделения функций и допущения определенных течений в области идеологии при сохранении лидирующих позиций марксизма. Коммунистической партии Китая удалось сохранить легитимность своей власти в глазах общества [6, с. 334]. В 1980–1990-х гг. сложилась система передачи власти, обновления партийной элиты, а правящая партия получила возможность расширения социальной базы через продуманный отбор кадров.

В Турции (1920–1930-е гг.) опорой модернизации стал социальный капитал, который по замыслу идеолога преобразований, первого президента Мустафы Кемала, должен был со временем конвертироваться в экономический. Суть модернизации сводилась к формированию условий для возникновения национальной экономики и национального капитала. По мере того как в Турции складывался социальный слой, способный защитить модернизацию, она укоренялась в обществе, становилась исторически устойчивой, менее подверженной срывам и откатам.

Политическая модернизация в Турции была основана на принципах светскости, тюркизма, республиканизма, европеизации и выражалась в упразднении султаната (1922 г.), провозглашении республики (1923 г.), упразднении халифата (1924 г.)

[5, с. 147]. Одной из главных задач политики Кемала стало формирование гражданской идентичности. Президент постоянно подчеркивал, что только национальная общность может войти в сообщество цивилизованных народов. Реформы способствовали превращению Турции в одну из крупнейших по экономическому и политическому потенциалу страну мира, становлению светской республикой, ориентирующейся на международные нормы и стандарты жизни.

Еще один пример – Индия, продемонстрировала пример «поступательной революции» (Ф. Франкель), «реформы» с большой буквы (Л.И. Рейснер), модель преобразований которой имеет поступательный характер, постепенно трансформируя социальную структуру общества и его основные политические институты.

В 1919 г. по инициативе Британского правительства в Индии был проведен комплекс преобразований, названный «реформами Монтегю – Челмсфорда», результатом которых стало формирование в Индии, как составной части владений Короны, органов законодательной и исполнительной власти, системы местного самоуправления. Подобные поступательные преобразования, по мнению исследователей, имели серьезный резонанс внутри общества, дали ценный опыт для индийцев и отчасти подготовили их к будущей независимости. Фактически Англия оставила Индии сложившуюся структуру институтов, политических партий и зародившуюся элиту, был создан средний класс, в основном из кшатриев». Это привело к тому, что даже некоторые индийские интеллектуалы поддерживали британское правление как альтернативу национализму и коммунизму [26].

Второй виток политической модернизации связан с 1947 г., когда Индия получила статус независимого государства. Политический строй Индии во многом копировал английский аналог, что выражалось не только в наличии схожих институтов, которые могут играть фасадную роль, но и в функционировании новой элиты, которая, придя к власти, реализовала институциональный потенциал и обеспечила необходимые условия функционирования политической системы [26, с. 64].

Одним из важных аспектов, определивших эффективность модернизации в Индии, выступала логика открытого политического процесса, так и модернизирующегося влияния власти на все общество, в ходе которого можно выделить три этапа [7, с. 21]: 1) вторая половина 1960-х – первая половина 1970-х гг. характеризовалась превращением средних и мелких предпринимателей в субъектов политического процесса; 2) вторая половина 1980-х г. была связана с политическим утверждением низших социальных слоев индийского общества, отсюда – стремление правительства к выработке единой стратегии социально-экономического развития страны, учитывающего интересы всех акторов политического процесса и частая смена правительств; 3) нач. XXI в. – включение в политическую жизнь наименее социально и интеллектуально развитых слоев индийского населения.

Таким образом, индийский опыт модернизации уникален в том смысле, что отражает стремление многонационального и поликонфессионального общества к системной трансформации при обязательном сохранении системы политического представительства и участия всех социальных сил в созидании современного государства.

Роль социального капитала для экономических и политических преобразований высоко оценил премьер-министр Махатхир бин Мохаммад, возглавлявший правительство Малайзии с 1981 по 2003 г. За короткий промежуток времени, благодаря проводимым преобразованиям, Малайзия из феодальной периферии модернизировалась в одно из ведущих мировых центров производства радиоэлектроники, компонентов компьютеров и разработки новейших технологий.

Целью его внутривнутриполитического курса Махатхир стало создание конкурентных социально-экономических преимуществ и повышение уровня благосостояния для малайцев, обеспечение выживания и прогресса нации. Поэтому не транзит демократических институтов, а изменение социально-культурных ценностей и установок малайцев посредством коренного перевоспитания малайской общины с целью внедрения, вживания её, всё ещё не избавившейся от патриархальщины, феодальной сис-

темы ценностей, поведенческих стереотипов, Махатхир видел в качестве первоочередной задачи модернизации [15, с. 52].

Махатхир высоко ценит устои восточного социума, проявляющиеся в сохранении восточной рабочей этики. Он открыто сказал о диаметральной противоположности иерархии ценностей Востока и Запада: «Мы долго устремляли взор на Запад, но больше не считаем его подходящей для нас моделью» [25, с. 47]. Самая суть махатхиризма – это отсутствие страха перед «социальной инженерией», т.е. перед необходимостью ежедневно подталкивать свой народ к совершенствованию не только экономики и пр., а даже и национального характера [2].

Игнорирование социокультурных особенностей, в том числе потенциала социального капитала, приводит к срывам модернизаций в их национальном варианте.

Ярким примером выступает «белая революция» в Иране (1960–1970-е гг.), как официально называли процесс модернизации в период правления шаха Мохамеда Реза Пехлеви. Данную модель модернизации Э. Паин охарактеризовал как технократическую и дисгармоничную. Несмотря на достаточно благоприятные для модернизации внутренние и внешние условия и экономический рост, она завершилась крахом. Прежде всего, потому, что ее социальный капитал – общественное доверие к власти и поддержка ее реформ – неуклонно таял. Уже к середине 1970-х гг. шахское правительство полностью лишилось общественной поддержки, власть оказалась социальным банкротом, вызывавшей недоверие у всего населения. У этой сплоченности были все признаки социального капитала – взаимное доверие, взаимопомощь, общие каналы информации и готовность к совместным действиям, но все это оказалось социальным капиталом контрмодернизации. Э. Паин полагает, что во всех странах, избравших модель технократической и дисгармоничной модернизации, деградировал культурный капитал нации. Государство не успевало, а зачастую и не могло привить населению новые культурные навыки, а традиционная система социализации и передачи культурных норм разрушалась [14, с. 13]. В современном Иране именно социальный капитал выступает в роли интегративного, мобилизующего фактора и оказывает позитивное влияние на развитие политической системы в условиях ужесточения геополитической ситуации на Ближнем Востоке.

Таким образом, социальный капитал выступает фактором, определяющим модернизацию, в том числе политические трансформации. Традиционные общества исторически ориентированы на многообразные формы коллективной деятельности, социальной сплоченности внутри родовых и клановых структур, и в этом смысле выступают благоприятной почвой для развития социального капитала.

Такие компоненты социального капитала, как доверие, гражданская идентичность, толерантность выполняют для политической системы важные функции легитимизации властных структур, интеграции и мобилизации общества перед модернизационными вызовами. Как показывает компаративный анализ стран незападного политического процесса на примере Востока, использование социального капитала лидером или политической элитой при проведении широкомасштабных преобразований служит средством выхода из макросоциальной «институциональной ловушки» (И.Е. Дискин), когда социальное пространство доверия фрагментировано в локальных, партикулярных сегментах.

Список литературы

1. Абдель-Малек А. Кризис ориентализма / А. Абдель-Малек // Сравнительное изучение цивилизаций : хрестоматия / сост., ред. Б. С. Ерасов. – М. : Аспект Пресс, 1998. – С. 280–281.
2. Антонов М. От капитализма – к тоталитаризму: мир в XXI в. и судьбы России / М. Антонов. – Режим доступа: http://m-antonov.chat.ru/from_to/index.htm, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
3. Балаян А. Особенности модернизации в Индии: феномен «застрявшей страны» / А. Балаян. – СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010. – 24 с.
4. Вартумян А. А. Социально-экономическая сущность человеческого и социального капитала и особенности их воспроизводства / А. А. Вартумян // Человеческий и социальный капитал как фактор развития региона (на примере Чеченской Республики) : мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. – М. – Грозный, 2012. – С. 34–39.

5. Васильев Л. История Востока : в 2 т. / Л. Васильев. – М. : Высшая школа, 1994. – Т. 2. – 559 с.
6. Виноградов А. В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности / А. В. Виноградов. – М. : НОФМО, 2008. – С. 363.
7. Володин А. Г. Модернизация Индии: «постепенная революция?» / А. Г. Володин // Модернизация, авторитаризм и демократия : сб. мат-лов конф. / отв. ред. Н. В. Загладин, В. И. Катагарова. – М. : ИМЭМО РАН, 2010. – С. 20–23.
8. Воронов А. М. Восточный деспотизм и социальный синтез: К вопросу о политической культуре на Востоке / А. М. Воронов // Национальные интересы России 2011. – № 5. – Режим доступа: <http://ni-journal.ru/a>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
9. Дугин А. Г. Трансформация политических структур и институтов в процессе модернизации традиционных обществ : дис. ... д-ра полит. наук / А. Г. Дугин. – Ростов н/Д., 2004. – С. 32–33.
10. Карнеев А. Н. Китай времен мирового кризиса / А. Н. Карнеев // Полития. – 2009. – № 3. – С. 143–156.
11. Ланда Р. Г. Социальная структура и политическая борьба: многоукладная борьба / Р. Г. Ланда // Политические отношения на Востоке: общее и особенное. – М., 1990. – С. 35.
12. Левин З. И. Восток: идентичность и глобализация / З. И. Левин. – М., 2007. – 166 с.
13. Нэсбит Д. Что нас ждет в 90-е годы? / Д. Нэсбит, П. Эбурдин. – М. : Республика, 1992. – 136 с.
14. Паин Э. Иранская или турецкая? Сравнительный анализ моделей и социальных условий управляемой модернизации / Э. Паин // Дружба народов. – 2011. – № 10. – С. 12–18.
15. Погадаев В. Феномен личности Махатхира. Политический портрет / В. Погадаев. – М. : Российская академия наук. – 2001. – № 5. – С. 12–109. – Сер. Азия и Африка сегодня.
16. Сажина В. А. Социальный капитал малых сообществ : автореф. ... канд. социол. наук / В. А. Сажина. – М., 2011. – 25 с.
17. Саид Э. В. Ориентализм: западные концепции востока / Э. В. Саид. – СПб., 2006. 637 с.
18. Сумленный С. Спасибо Корейской войне (интервью с Д. Кьяваччи) / С. Сумленный. – Режим доступа: <http://www.expert.ru/2009/12/28>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
19. Татарко А. Н. Социальный капитал: теория и психологические исследования / А. Н. Татарко, Н. М. Лебедева. – М. : Изд-во РУДН, 2009. – 233 с.
20. Тюрин Г. Корпорации, социальный капитал и модернизация страны / Г. Тюрин // Неприкосновенный запас. – 2006. – № 4–5.
21. Фукуяма Ф. Что такое социальный капитал? / Ф. Фукуяма. – Режим доступа: <http://www.day.kiev.ua/170573>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
22. Хорос В. Г. Модернизация, авторитаризм и демократия в посттрадиционных обществах / В. Г. Хорос // Модернизация, авторитаризм и демократия : сб. мат-лов конф. / отв. ред. Н. В. Загладин, В. И. Катагарова. – М. : ИМЭМО РАН, 2010. – С. 6–8.
23. Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного / под ред. Н. А. Симония, Л. И. Рейснер. – М. : Главная ред. восточной литературы, 1984. – 582 с.
24. Huntington S. Political development and Political decay / S. Huntington // Politics in Advanced Nations: Modernization Development and Contemporary Change. – Prentice Hall, 1974.
25. Mahathir bin Mohamad. The Way Forward. Wiedenfeld & Nicolson. – London : UK, 1998.
26. Thakur R. The Government and Politics of India / R. Thakur. – London : MacMillian Press Ltd, 1995.
27. Tiryakian E. Dialectics of modernity: reenchantment and differentiation as process / E. Tiryakian. – 1992. – P. 78–96.

ТАМОЖЕННЫЙ СОЮЗ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ЭТАП В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Н.Е. Гаврилина
(Россия, Астрахань)

В статье рассматриваются важнейшие вопросы функционирования Таможенного Союза и Единого экономического пространства. Автор рассматривает важнейшие показатели экономического развития стран-участников Таможенного Союза, приводит данные по уровню развития торговли и интеграции в различные сферы экономики. В статье приводятся точки зрения ведущих ученых-экономистов, занимающихся изучением вопросов проблем и перспектив создания Единого экономического пространства.

In article the major questions of functioning of the Customs Union and Uniform economic space are considered. The author considers the major parameters of economic progress of the countries of-participants of the Customs Union, cites data on a level of development of commerce and